

Сигизмундъ-Августъ пытался привлечь на свою сторону даже Соединенныя Провинціи (Нидерланды). Однако, ему удалось только вызвать ихъ неудовольствіе своими мѣрами, направленными къ подрыву нарвской торговли. Въ Ливоніи обѣ стороны дѣйствовали съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1565 году взяли Пернау; зато шведы опустошили Эзель. Впрочемъ, вскорѣ на Швецію обрушилось сразу два удара. Въ январѣ Фридрихъ II заперъ Зундъ, чтобы изолировать шведовъ отъ Европы. Въ ноябрѣ же, по настоянію Фридриха Саксонскаго, императоръ Максимилианъ, игравшій роль настоящаго Агамемнона въ этой войнѣ народовъ, издалъ особый манифестъ. Въ немъ императоръ предавалъ осужденію шведовъ, какъ нарушителей мира и союзниковъ варварской державы. Успѣхи Эрика въ Ливоніи были парализованы этимъ манифестомъ; партія его брата вновь подняла голову. Однако на Максимилиана постарались подѣйствовать въ обратномъ направленіи представители нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ въ Германіи, имѣвшихъ связи съ Москвою. Эти агенты дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы мнѣніе императора о Москвѣ измѣнилось. Особенно усердствовалъ одинъ изъ нихъ—именно, уполномоченный по торговымъ дѣламъ герцога Баварскаго въ Любекѣ—Вейтъ Ценге. Развѣ Иванъ IV не гордится своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ? Въ самомъ дѣлѣ, то была одна изъ причудъ Грознаго. Вейтъ Ценге увѣрялъ даже, что въ жилахъ царя течетъ баварская кровь. Онъ утверждалъ, что Московскій государь горячо желаетъ завязать отношенія съ императоромъ и мечтаетъ получить отъ него какой-нибудь знакъ отличія. За эту честь онъ будто бы готовъ отдать въ его распоряженіе 30.000 лучшей своей конницы, для дѣйствій противъ турокъ, а также уплатить ему большую денежную сумму. Мало того: онъ откажется отъ Ливоніи и подчинитъ свою Церковь власти римскаго папы. По словамъ Ценге, этому сближенію, столь желанному для всего христіанскаго міра, лучше всего можно содѣйствовать брачными союзами. У Ивана дочь

и сынъ на возрастѣ, а въ теремахъ московскихъ скрываются такіа сокровища красоты, о которыхъ и не грезилось нѣмецкимъ государямъ. На нѣсколькихъ сѣздахъ германскихъ князей выдумки Ценге подверглись обсужденію. Любопытно, что онѣ повліяли на настроеніе имперіи и ея главы. Впрочемъ, тутъ и безъ того были склонны къ холодному и осторожному нейтралитету.

Въ 1566 году, тѣснимый шведами, Магнусъ попытался сблизиться съ Польшей. Его притязанія были весьма значительны. Онъ требовалъ руки второй сестры Сигизмунда-Августа—съ Ливоніей въ качествѣ приданого. Послѣдній изъ Ягеллоновъ пренебрежительно отнесся къ этимъ предложеніямъ; въ 1567 году онъ вознамѣрился нанести врагу рѣшительный ударъ: для этого онъ самъ двинулся съ войскомъ въ Ливонію. Ближайшей цѣлью похода былъ Данцигъ. И раньше этотъ приморскій городъ былъ весьма слабо связанъ съ Польшей и неохотно мирился со своимъ зависимымъ положеніемъ; съ самаго начала войны онъ довольно ясно высказалъ свое тяготѣніе къ враждебной сторонѣ. Но агенты Данцига, жившіе въ Варшавѣ, успѣли успокоить своихъ земляковъ сообщеніемъ, что король страдаетъ подагрой въ правой рукѣ и лѣвой ногѣ; они увѣряли, что это ясно видно по самому вооруженію Сигизмунда-Августа. И, дѣйствительно, походъ короля завершился самой плачевной неудачей. Сигизмундъ-Августъ рассчитывалъ, что подъ его знаменами соберется 200.000 поляковъ и 170.000 литовцевъ: однако, ему удалось найти всего какую-нибудь десятую часть этого состава. Впрочемъ, на счастье Сигизмунда, русскія войска потерпѣли пораженіе отъ отряда поляковъ въ Руннаферѣ. Послѣ этого Иванъ выразилъ готовность завязать мирные переговоры. Надо замѣтить, что руки его были связаны внутренней смутой: на Руси нарождалась опричнина. Не менѣе горячо желали мира и въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, что соединеніе съ Литвой ждало еще окончательнаго завершенія. На ряду съ этимъ, королевское правительство приступало къ пересмотру законодательства. Далѣе, отношенія Польши къ прусскимъ городамъ сохраняли самый натянутый характеръ; наконецъ, ко всѣмъ затрудненіямъ присоединялись внутренніе раздоры. Однако, Иванъ требовалъ себѣ Ревеля и Риги. Одновременно съ тѣмъ онъ началъ полемическую переписку съ литовскими вельможами, которая менѣе всего могла содѣйствовать мирному улаженію конфликта.

До той поры князь Курбскій доблестно сражался съ Ли-

воней во главѣ царскихъ войскъ, съ которыми одерживалъ громкія побѣды. Но въ 1562 году непріятелю удалось нанести ему пораженіе при Невелѣ. Быть можетъ, эта неудача была подготовлена какими-то подозрительными сношеніями князя съ Польшей. Съ тѣхъ поръ бывшій любимецъ Ивана уже наполовину впалъ въ немилость. Разумѣется, это еще болѣе способно было возстановить его противъ деспотическихъ замашекъ Московскаго государя. Наконецъ, въ 1564 году раздражительный и крутой бояринъ открыто возсталъ противъ Ивана. Онъ сдѣлалъ это совершенно помосковски: онъ бѣжалъ за предѣлы Московскаго государства. Его бѣгство вызвало въ Польшѣ предположенія, что опричина создастъ множество такихъ же недовольныхъ; вполне понятно, что полякамъ представлялось весьма соблазнительнымъ завязать сношенія съ подобными лицами. Скоро Иванъ узналъ, что нѣкоторые изъ подданныхъ его получили письма, присланныя имъ великимъ гетманомъ литовскимъ, Григоріемъ Хоткевичемъ, нѣкоторыми другими литовскими вельможами и даже самимъ королемъ. Въ страхъ и гнѣвъ царь сперва созвалъ соборъ 1566 года, о которомъ я уже упоминалъ. Этотъ соборъ единодушно высказался противъ всякихъ уступокъ въ Ливоніи. Владѣльцы земель, расположенныхъ по литовской границѣ, заявили Ивану, что они готовы скорѣе умереть, чѣмъ отдать врагу хотя бы одну пядь своей земли. Утѣшенный и ободренный этимъ, царь принялся диктовать отвѣты на польскія письма. Быть можетъ, лучше всего было бы отнестись къ нимъ съ презрительнымъ молчаніемъ. Но Иванъ всегда страдалъ неизлечимымъ зудомъ писательства. Сигизмундъ-Августъ, въ письмѣ къ князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, предлагалъ ему богатые земли въ Литвѣ. Теперь король долженъ былъ узнать, можно ли вести съ подданными Московскаго царя подобные переговоры. Въ своемъ отвѣтѣ Сигизмунду-Августу князь Бѣльскій называлъ его «братомъ». Онъ писалъ ему, что вполне доволенъ своимъ положеніемъ; но самому королю совѣтовалъ принять наиболѣе благоразумное рѣшеніе. Такимъ рѣшеніемъ было бы уступить Литву Московскому царю и за то, пользуясь верховнымъ покровительствомъ Ивана, сохранить за собой Польшу и, подобно Бѣльскому, стать подданнымъ лучшаго изъ государей. Легко представить себѣ, что писалъ Иванъ въ другихъ отвѣтахъ. Во всякомъ случаѣ, они могли бы служить любопытнымъ образцомъ эрудиціи, которой такъ щеголялъ Иванъ, сводя счеты со своими врагами. Онъ величалъ ихъ то Сеннахерибами, то Навухо-

доносорами, и, вообще, обнаруживалъ пристрастіе къ образамъ восточной мудрости.

Счастье, повидимому, начинало вновь покровительствовать Ивану. Дѣйствительно, возобновляя свои попытки соглашенія, Эрикъ обнаруживалъ готовность пойти на всякія уступки. Онъ хотѣлъ только, чтобы Иванъ предоставилъ ему свести свои счеты съ Польшей. Если вѣрить Дальману (*Dissertatio de occasione foederum regis Erici XIV cum Russia Upsala, 1783*), который изслѣдовалъ подлинныя дипломатическіе документы, — Эрикъ обѣщалъ даже выдать Ивану Екатерину. Уже въ 1556 году, король, будто бы, предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе своего совѣта. Члены его отказались одобрить выдачу финляндской герцогини. Тогда король предписалъ своему посланнику, Гилленстирну, до послѣдней возможности оказывать сопротивление царю въ этомъ требованіи; если же союзъ съ Москвою будетъ зависѣть отъ этого условія, король разрѣшалъ своему уполномоченному уступить. Показанія Дальмана, повидимому, заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ едва ли можно допустить, чтобы Гилленстирнъ превысилъ на этотъ разъ свои полномочія. Такъ или иначе, 16 февраля 1567 года, въ Александровской слободѣ, гдѣ опричнина уже начинала свои кровавыя оргіи, посолъ шведскій подписалъ союзный договоръ съ Москвою; всѣ статьи этого соглашенія были обусловлены выдачей Екатерины. Договоръ признавалъ всѣ наличныя владѣнія Швеціи и Москвы въ Ливоніи; на будущее время онъ предоставлялъ обѣимъ сторонамъ полную свободу въ дѣлѣ новыхъ пріобрѣтеній. Впрочемъ, Иванъ настоялъ, чтобы Рига, во всякомъ случаѣ, принадлежала только ему. За это Московскій государь обѣщалъ свое посредничество для примиренія Швеціи съ Даніей и Ганзейскимъ союзомъ; въ томъ же случаѣ, если эти попытки не увѣнчаются успѣхомъ, Иванъ долженъ былъ оказать Швеціи вооруженную поддержку. Такимъ образомъ Иванъ связывалъ свою судьбу съ будущностью Швеціи. Разумѣется, все это обусловливалось требованіемъ выдачи Екатерины. Въ случаѣ смерти герцогини, весь договоръ долженъ былъ потерять свою силу, такъ какъ самая важная его статья не могла быть выполнена Швеціей.

Нѣкоторые русскіе историки восхищаются договоромъ 16 февраля 1567 года. Едва ли такое отношеніе къ нему вполне основательно. Правда, что Иванъ создавалъ себѣ довольно выгодное положеніе. Удерживая Ригу въ своихъ рукахъ, онъ, можно сказать, уничтожалъ

Ревель, принадлежацій шведамъ; тѣмъ же самымъ онъ устранялъ тотъ главный мотивъ, который могъ заставить Польшу оспаривать Ливонію у Швеции и Москвы. Предполагаемая поддержка ганзейскихъ городовъ обѣщала русско-шведскому союзу значительное преимущество надъ польско-датскою коалиціей. Все это такъ. Но Иванъ не довольствовался выгодами такого положенія. Онъ подчинялъ ихъ, быть можетъ, неосуществимому и, во всякомъ случаѣ, недостойному условію. вмѣстѣ съ своей долей Ливоніи онъ хотѣлъ большаго. Онъ добивался не женщины, конечно, или, по крайней мѣрѣ, не одной женщины: онъ желалъ наслѣдницы Ягеллоновъ, т.-е., другими словами, части Польскаго королевства. Къ этому Иванъ стремился вопреки всякимъ доводамъ разума и совершенно не считаясь съ условіями дѣйствительности. Вѣдь дѣло касалось замужней женщины, которая, даже овдовѣвъ, едва ли согласилась бы стать супругою своего похитителя. Однако, Иванъ непоколебимо преслѣдовалъ свою цѣль. Это доказываетъ, между прочимъ, что жестокая смута, свирѣпствовавшая въ его государствѣ, не такъ уже тревожила его, какъ принято думать. Во всякомъ случаѣ, однако, его идея принимала въ головѣ его такіе размѣры и формы, которые свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ ослабленіи его умственныхъ способностей. Повидимому, въ этомъ сказывалось также вліяніе самыхъ темныхъ инстинктовъ его натуры, которые особенно рѣзко стали обнаруживаться въ немъ въ эту пору царствованія. У людей съ могучимъ темпераментомъ опьяненіе нерѣдко вызываетъ какъ бы частичное помѣшательство. А Иванъ былъ во власти опьянѣнія уже нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ захваченъ ожесточенной борьбою; онъ привыкъ постоянно злоупотреблять силою; онъ былъ распаленъ свирѣпыми казнями, которыя совершались по его приказанію, чуть не его руками. Словомъ, онъ былъ опьяненъ гнѣвомъ, гордостью и кровью. Но это нисколько не мѣшало ему, даже шатаясь, итти своею дорогою и, несмотря на припадки слабости или безумія, отлично сознавать свою роль, интересы и обязанности.

Случайность,—быть можетъ, счастливая,—помѣшала выполненію договора, заключеннаго въ Александровской слободѣ. Въ маѣ 1567 г. въ Упсалу прибыло московское посольство съ требованіемъ ратификаціи договора и выдачи Екатерины Ивану. Между прочимъ, царь уже надумалъ просить руки одной изъ сестръ Эрика для своего старшаго сына, которому было 18 лѣтъ. Невѣстъ было 16, и молва пре-

возносила ея красоту. Но этого было мало царю: въ приданое за нею онъ требовалъ Ревеля. Но это было уже слишкомъ. Къ тому же московскимъ посламъ пришлось найти въ Швеці тоже причину своего рода, которая своими насиліями и безумствами нисколько не уступала московскому оригиналу. Эрикъ отчаянно боролся со шведской аристократіей, которая не прощала ему его происхожденія и была возмущена его деспотизмомъ. Въ этой борьбѣ коронованный «купеческій сынъ», какъ называлъ его Иванъ, терялъ свой послѣдній разумъ. Между тѣмъ въ Грингсольмскомъ замкѣ разыгрывалась самая раздирающая драма. Бывшій герцогъ финляндскій уже нѣкоторое время ожидалъ неминуемой смерти. Судъ, состоявшійся въ 1563 году, вынесъ ему смертный приговоръ, и любимецъ короля Персонъ, самъ обреченный въ послѣдствіи ужасному концу, настаивалъ на выполненіи казни. Уже съ 1562 года кровь лилась потоками въ Швеці по приказанію Эрика; но, въ данномъ случаѣ, совѣсть мѣшала ему посягнуть на жизнь брата. Желая удовлетворить Ивана, онъ попробовалъ разлучить Екатерину съ ея супругомъ. Но наслѣдница Ягеллоновъ обнаружила безтрепетное мужество: она сумѣла устоять какъ противъ самыхъ ужасныхъ угрозъ, такъ и противъ наиболѣе соблазнительныхъ предложеній. Между прочимъ, она показала посланнымъ короля перстень, на которомъ вырѣзаны были слова: «ничто кромѣ смерти...» Эрикъ исчерпалъ всѣ доводы и средства убѣжденія. Онъ видѣлъ, что ему самому угрожаетъ все большая и большая опасность мятежа. Онъ думалъ уже искать убѣжища въ Московской державѣ. Наконецъ, какъ признаютъ и самые горячіе защитники несчастнаго короля (*Celsius Histoire d'Eric, trad. franc. de 1777, II, 139*), хотя Персонъ и отрицалъ это до самой своей казни, Эрикъ рѣшилъ, что этотъ злой геній даетъ ему наилучшій совѣтъ. Смерть Іоанна должна была устроить все. Московскіе послы уже готовились получить свою добычу, когда бѣдный разсудокъ Эрика, уже мутившійся на страшномъ пути преступленій, окончательно измѣнилъ королю. Эрикъ упалъ въ темную бездну. Все смѣшалось въ его головѣ. Онъ вообразилъ себя самого плѣнникомъ и, вернувъ свободу герцогу Финляндскому, умолялъ его о помилованіи. Этотъ болѣзненный кризисъ продолжался до конца слѣдующаго года, причемъ послы Ивана рассчитывали извлечь изъ него нѣкоторыя выгоды и добиться своего.

Носовѣтъ короля упорно стоялъ на своемъ, отказываясь выдать Екатерину. Самъ Эрикъ, въ моментъ просвѣтленія, не только не согласился

выдать за царевича какую-нибудь изъ своихъ сестеръ, но счелъ совершенно достаточнымъ предложить ему руку нѣкоей Виргиніи Персдоттеръ. Эта невѣста была дочерью одной изъ многочисленныхъ наложницъ короля. Легко представить себѣ, какую ярость долженъ былъ испытывать Иванъ. Но тутъ, въ сентябрѣ 1567 года, въ дѣло вмѣшался Сигизмундъ-Августъ, и это ускорило развязку. Супругъ Екатерины вступилъ на королевскій тронъ. Эрикъ, едва не ставшій палачемъ брата, самъ былъ заключенъ въ тюрьму. Такъ началась новая эра въ исторіи все усложнявшагося конфликта, въ которомъ Ливонія служила яблокомъ раздора. Но теперь первая роль должна была перейти къ Магнусу.
